Лукичёв П.М.¹, Чекмарев О.П.²**Экономические последствия коронавирусного кризиса в долгосрочном периоде**¹БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова²Санкт-Петербургский ГАУ
(Россия, Санкт-Петербург)

doi: 10.18411/lj-04-2021-96

Аннотация

В статье охарактеризовано влияние пандемии COVID-19 на национальные экономики в долгосрочном периоде. Проанализированы «пессимистический» и «оптимистический» сценарии выхода из коронавирусного кризиса.

Ключевые слова: экономические последствия коронавирусного кризиса, долгосрочный период, государственное регулирование

Abstract

The article describes the long-term impact of the COVID-19 pandemic on national economies. Analyzed the "pessimistic" and "optimistic" scenarios for overcoming the coronavirus crisis.

Keywords: economic consequences of the coronavirus crisis, long-term period, government regulation

Сейчас, весной 2021 года, стало ясно, что пандемия COVID-19 не только нанесла громадный ущерб мировой экономике, но и деформировала структуру экономики, большинство цепочек поставок, современный рынок труда. Цель данной статьи – проанализировать экономические последствия коронавирусного кризиса в долгосрочном периоде на уровне национальной экономики. Под долгосрочным периодом подразумевается временной период, превышающий один год. Особо важно, на наш взгляд, разделить те изменения в экономике, которые характерны только для периода пандемии, от изменений, которые останутся постоянно.

Из нашего сегодняшнего дня, когда пандемия COVID-19 перевела нашу жизнь и экономическое развитие в долгосрочный период, можно обсуждать недочёты мер, принимаемых в прошлых пандемиях для того, чтобы лучше справляться с будущими пандемиями. В частности, Варго (2020) приходит к выводу, что нефармацевтические вмешательства, реализованные во время пандемии испанского гриппа 1918 года, не привели к снижению общей смертности [1]. Это произошло потому, что вмешательства не поддерживались в течение достаточно длительного периода времени. По его оценкам, средняя продолжительность закрытия школ и запрета на собрания составляла всего 36 дней, тогда как средняя продолжительность карантина / изоляции составляла 18 дней. Эти цифры были довольно небольшими по сравнению с количеством дней, в течение которых была активна пандемия испанского гриппа 1918 года. Появление второй и третьей волн коронавирусного кризиса в большинстве стран показывает правоту Варго и необходимость более длительного карантина при генезисе следующей пандемии.

Долгосрочный период действия коронавирусного кризиса обуславливает всё больше изменений, воздействующих на национальные экономики и требующих ответной реакции. Пандемия резко изменила привычные рамки, в которых осуществлялись производство и потребление. Государственное регулирование национальной экономики должно отвечать на эти вызовы [2]. Приведём несколько примеров. Сейчас в период пандемии увеличилось число работников, трудящихся на зарубежные компании, а живущих в своей стране. Возросло число лиц, чей труд организован электронными платформами (Uber и др.). Цифровые компании (Facebook, Google, Amazon) сами определяют, что можно, а что нельзя делать в Интернете,

блокируя иногда правительственные действия. Резко сократилось количество видов трудов, требующих непосредственного контакта с другими людьми, и одновременно возросла потребность в работниках, имеющих возможность трудиться удалённо. В ситуации, когда и население, и бизнес ждут поддержки, как национальным правительствам относиться к этим вызовам времени с помощью мер государственного регулирования и национальных стандартов? Наверно, полагаться только на государственный сектор не стоит. Важную роль в совместном противостоянии негативному воздействию пандемии COVID-19 могла бы сыграть современная кооперация [3], которая не заслужена отодвинута на периферию экономической жизни в РФ.

Будущее развитие национальных экономик во многом зависит от того, насколько правильно и объективно страна (руководство страны) оценит существующие реально изменения рынка труда и возможности развития. Здесь сталкиваются два основных подхода, которые условно могут быть названы «оптимистический» и «пессимистический». Оба этих подхода действуют на основе рациональных ожиданий, позитивных или негативных, экономических агентов в условиях сохраняющейся неопределённости.

Представители первого подхода исходят из ситуации «отложенного спроса», которая сложилась в период пандемии COVID-19. «Отложенный спрос», в отличие от большинства предшествующих рецессий, был вызван не столько падением экономической уверенности, сколько внешними ограничениями. Как только будет вакцинировано большинство населения страны, так хозяйственная жизнь восстановится в полном объёме. Люди и фирмы будут расходовать накопившиеся у них средства и экономический рост превысит докризисные значения. Правительства, как это делает сейчас, например, администрация Байдена, может поддержать этот рост своими государственными расходами.

Представители второго подхода опираются на опыт предшествующих пандемий человечества и психологические аспекты экономической политики.

J. Kozlowski и др. (2020) в COVID-19 исходят из того, что инвестиционные решения людей определяются их представлениями о будущем [4]. То есть их исследование основано на применении концепции рациональных ожиданий к сегодняшним процессам. На риски, в свою очередь, влияет опыт экономических агентов, и добавление к этому опыту сильного негативного шока, такого как COVID-19, может привести к массовому пересмотру убеждений, которые сохранятся на протяжении всей их жизни.

Ощутимый, стойкий и серьёзный вред, связанный с реальной пандемией, формирует убеждения о вероятности другого подобного шока, чего не могут сделать абстрактные знания. Главное в модели авторов, что выгодно отличает её от других исследований, это то, что они не замыкаются на сегодняшних потерях и текущей реакции экономических агентов, а раскрывают долгосрочный механизм взаимосвязи между производством и инвестициями после пандемии. Объём производства восстанавливается после первоначального серьёзного шока весны - лета 2020 года, но не возвращается к прежней траектории роста. Частично этот долгосрочный депрессивный эффект можно объяснить «устареванием капитала»: тем фактом, что часть существующего основного капитала больше не может использоваться так же эффективно, как раньше, или вообще не может использоваться. Например, офисные помещения или торговые центры будут использовать менее интенсивно в качестве меры предосторожности. Но люди также пересматривают свои ожидания в отношении возврата будущих инвестиций, потому что они ожидают, что пандемии станут более вероятными. Это приводит к меньшим инвестициям при прочих равных условиях и более медленному росту. В долгосрочной перспективе ВВП будет на целых 4% ниже

докризисного уровня. Авторы считают, что текущая дисконтированная стоимость потерь, связанных с устареванием капитала и изменением убеждений, может быть в десять раз больше, чем стоимость первоначального шока. И большая часть долгосрочных потерь связана с пересмотром убеждений. Пока вторая волна пандемии в начале 2021 года и локдауны в Западной Европе полностью подтверждают эту модель и подкрепляют формирование негативных рациональных ожиданий у экономических агентов.

Sengupta также считает, что будущие затраты на пандемию COVID-19, вероятно, превысят нынешние затраты – как некоторые указывали в случае эпидемии испанского гриппа. Это особенно вредит развивающимся странам, таким как Индия, которые находятся на пороге реализации своего «демографического дивиденда» за счет вклада большого числа работающего населения [5].

Céspedes и др. сформулировали минималистскую экономическую модель, в которой COVID-19 ведёт к потере производительности [6]. Авторы предсказывают порочный круг, вызванный потерей производительности, вызывающей снижение стоимости залога, что, в свою очередь, ограничивает объём заимствований, что впоследствии приводит к сокращению занятости и последующему снижению производительности. Таким образом, шок от COVID-19 усугубляется «роковой петлей из-за безработицы и дефляции цен на активы». Fornaro и Wolf (2020) придерживаются аналогичных позиций [7].

Заслуживающей внимания является концепция «геометрии шока», созданная Carlsson-Szlezak и др. (2020a) [8], и описывающая различные типы восстановления после негативных макроэкономических шоков. По их мнению, существуют три основных сценария восстановления экономики после пандемии COVID-19. Во-первых, есть наиболее оптимистичный вариант, обозначенный как «V-образный», при котором совокупный объём производства смещается и быстро возвращается к докризисному уровню. Во-вторых, существует «U-образный» путь, при котором объём производства быстро падает, но не возвращается на докризисный путь. Разрыв между прежней траекторией выпуска и фактической остается большим. В-третьих, в случае очень мрачной «L-образной» траектории производительность падает, достигается впадина, но последующие темпы роста остаются очень низкими. Разрыв между прежним и новым путями выпуска продукции продолжает увеличиваться. По мнению авторов второй сценарий является наиболее реалистичным.

Примечательно, что Carlsson-Szlezak и др. (2020b)[9] утверждают, что после предыдущих пандемий, таких как испанский грипп 1918 года, азиатский грипп 1958 года, гонконгский грипп 1968 года и вспышка атипичной пневмонии 2002 года, экономики имели тенденцию к "V-образному" восстановлению. Однако не означает, по нашему мнению, что модель восстановления экономики COVID-19 будет однозначной. Это связано с тем, что ожидаемые меры по социальному дистанцированию и изоляции окажут гораздо большее влияние на занятость.

По словам Vollyky, пандемии, как правило, выявляют неспособность инвестировать в инфраструктуру здравоохранения и требуют от правительств радикальных изменений, чтобы гарантировать, что они не вернутся. «Вопрос в том, получим ли мы на этот раз те же социальные реформы, которые положили конец предыдущим пандемиям?» [10].

Пандемия станет поворотным пунктом в экономике и макроэкономической политике XXI века. В связи с этим, важным является проблема: насколько быстро и насколько последовательно начнётся восстановление экономики, и смогут ли национальные правительства, включая руководство Российской Федерации провести экономические и социальные реформы в ответ на вызовы времени. Поскольку

пандемии в XXI веке будут повторяться чаще, чем раньше, то это потребует мер экономической политики, новой многосторонней стратегии здравоохранения и может быть расселения людей из мест скученного проживания в городских агломерациях.

1. Barro, Robert J. (2020). "Non-Pharmaceutical Interventions and Mortality in U.S. Cities during the Great Influenza Pandemic, 1918-1919". In: NBER Working Paper Series 27049, pp. 1–19.
2. Лукичев П.М. Рынок труда будущего. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – 219 с.
3. Чекмарев О.П., Лукичев П.М., Аверьянова Е.В. Современная кооперация: потенциал и проблемы развития: Монография/Под. ред. Чекмарева О.П. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – 188 с.
4. Kozlowski, J., Veldkamp, L., Venkateswaran, V. (2020). Scarring Body and Mind: The LongTerm Belief-Scarring Effects of COVID-19. NBER Working Paper No. 27439. National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w27439>
5. Sengupta S. Coronavirus, Population and the Economy: A Long-Term Perspective. The Indian Economic Journal. 2020. Volume: 68 issue: 3, page(s): 323-340.
6. Céspedes, L. F., Chang, R., & Velasco, A. (2020). The Macroeconomics of a Pandemic: A Minimalist Model. NBER Working Paper No. 27228. National Bureau of Economic Research. URL: <https://doi.org/10.3386/w27228>
7. Fornaro L., Wolf, M. (2020). Covid-19 Coronavirus and Macroeconomic Policy. Barcelona GSE Working Paper No. 1168. Barcelona Graduate School of Economics. URL: <https://fondazionecerm.it/wp-content/uploads/2020/04/GSE-Covid-19-Coronavirusand-Macroeconomic-Policy.pdf>
8. Carlsson-Szlezak, Philipp, Reeves, M., & Swartz, P. (2020a). Understanding the Economic Shock of Coronavirus. Harvard Business Review. <https://hbr.org/2020/03/understanding-the-economic-shock-of-coronavirus>
9. Carlsson-Szlezak P., Reeves M., Swartz P. (2020b). What Coronavirus Could Mean for the Global Economy. Harvard Business Review. URL: <https://hbr.org/2020/03/whatcoronavirus-could-mean-for-the-global-economy>
10. Bollyky Thomas. Plagues and the Paradox of Progress. Why the World Is Getting Healthier in Worrisome Ways. Cambridge, MA. MIT Press. 2018. – 253 pages.

Магомадов Э.М., Башаев А.А., Манцаев Х.-А.У.

Особенности рынка труда в среднем по России и в регионах Северо-Кавказского федерального округа

*ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
(Россия, Грозный)*

doi: 10.18411/lj-04-2021-97

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические основы рынка труда, выявлены ключевые проблемы безработицы, а также проведён сравнительный анализ по безработице в СКФО и в среднем по России. Актуальность данной темы обусловлена тем, что с каждым годом в регионах СКФО наблюдается рост безработицы на рынке труда, занятого населения становится меньше. Для разработки стратегии по борьбе с безработицей, рассматриваются данные консолидированного бюджета по Северо-Кавказскому Федеральному округу.

Ключевые слова: Рынок труда, уровень безработицы, уровень занятости.

Abstract

The article examines the theoretical foundations of the labor market, identifies the key problems of unemployment, and also provides a comparative analysis of unemployment in the North Caucasus Federal District and the average in Russia. The relevance of this topic is due to the fact that every year in the regions of the North Caucasus Federal District there is an increase in unemployment in the labor market, the employed population is becoming less. To develop a strategy to combat unemployment, we consider the data of the consolidated budget for the North Caucasus Federal District.

Keywords: Labor market, unemployment rate, employment rate.